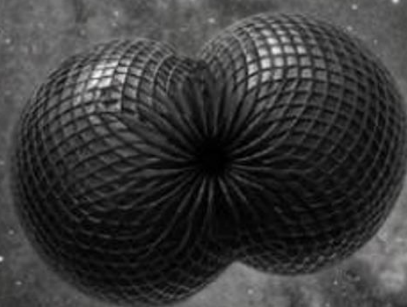

АДСКАЯ Ж*А ИЗ КОСМОСА**

GYATT RIZZLER

18+

Gyatt Rizzler

Адская жа из космоса**

«Автор»

2026

Rizzler G.

Адская ж**а из космоса / G. Rizzler — «Автор», 2026

Из глубин космоса к Земле летит объект. Он огромен и не подчиняется законам физики. Учёные в замешательстве, но интернет быстро даёт ему имя, которое запомнит весь мир. Объект падает в пустыне Гоби, и те, кто решается проникнуть внутрь, обнаруживают там лабиринты живых тоннелей, стаи червей со стальными зубами и таинственную грибницу, источающую вещество невероятной энергетической ценности — топливо, способное разжечь новую мировую войну. Но грибница умирает, черви ищут выход наружу, а в глубине скрыт след древней космической катастрофы: гибели двух титанов, чей обломок и упал на Землю. Пока одни пытаются выжить, другие делят добычу, а украденные образцы в далёкой лаборатории вступают в реакцию с шоколадным пончиком. Это история не столько о героях, сколько о том, во что превращается наука, когда на её пути встаёт абсолютный абсурд.

© Rizzler G., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Звёздная ночь над Токио	5
Глава 2. Стример и мем	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Gyatt Rizzler

Адская ж***а из космоса

Глава 1. Звёздная ночь над Токио

Обсерватория Кисо находилась в двух часах езды от Токио, но казалось, что это другой мир. Расположенная на высоте тысячи четырёхсот метров среди густо поросших лесом гор префектуры Нагано, она словно парила над цивилизацией, отрезанная от суеты мегаполиса извилистыми горными серпантинами и многокилометровыми тоннелями. Воздух здесь был прозрачен — настолько, что в ясные ночи Млечный Путь расстился над головой сплошной серебристой рекой, а не жалким пунктиром, как в Токио. Световое загрязнение — бич современной астрономии — было минимальным: ближайший крупный город, Мацумото, находился в сорока километрах, и его огни терялись за горными хребтами, не добираясь до чувствительных линз телескопов.

Для астронома это была святая земля.

Обсерватория принадлежала Токийскому университету и работала с шестьдесят пятого года прошлого века. За эти десятилетия здесь сменилось четыре поколения телескопов, два пожара, одно землетрясение магнитудой шесть и два (неподтверждённых) наблюдения НЛО, которые впоследствии оказались метеозондами Сил самообороны. Главной гордостью обсерватории был широкоугольный телескоп Шмидта — один из немногих в Азии, способный снимать огромные участки неба за одну экспозицию. Но Кэнтаро работал не с ним. Его инструментом был радиотелескоп — параболическая антенна диаметром двадцать пять метров, установленная на соседней вершине и соединённая с обсерваторией оптоволоконным кабелем, проложенным через ущелье. Антенна принимала радиосигналы из глубин космоса на частотах от одного до десяти гигагерц — именно в том диапазоне, где теоретически могли прятаться сигналы внеземных цивилизаций.

Кэнтаро Накамура сидел перед монитором, потягивая уже четвёртую чашку зелёного чая. Чай был сэнтя из Сидзуоки, первого весеннего сбора — единственная роскошь, которую он себе позволял в долгие ночные дежурства. Чашка — простая глиняная, с трещинкой на доньшке, купленная десять лет назад в антикварной лавке в Удзи — стояла на столе между клавиатурой и стопкой распечаток, испещрённых формулами и карандашными пометками. Часы в правом нижнем углу экрана показывали два тридцать две. Половина третьего ночи — время, когда мир замирает, а вселенная, наоборот, раскрывается во всей своей беспредельности.

За окном шумел ветер, налетая порывами из ущелья и швыряя в стёкла мелкие листья и сухие иголки лиственниц. Где-то вдалеке, в чёрной гуще леса, ухал филин — протяжно, меланхолично, словно задавал вопрос, на который никто не знал ответа. А в наушниках Кэнтаро тихо играл старый джаз — Фрэнк Сисинатра, песня «Fly Me to the big Moon». Это была его ночная традиция: именно эта музыка, именно этот альбом — с его мягкими, почти космическими переливами трубы — помогала не заснуть и одновременно сохранять ту особую ясность сознания, которая была необходима для работы с данными.

Кэнтаро верил, что лучшие открытия совершаются именно в такие часы — когда усталость размывает привычные шаблоны мышления и позволяет увидеть то, что днём прячется за стеной рациональности.

— Накамура-сан, вы ещё здесь? — в динамике внутренней связи раздался голос вахтёрши Сатоко, чуть хриплый, но бодрый, несмотря на поздний час. — Я закрываю столовую. Хотите, принесу онигири?

Сатоко Ямада. Семьдесят два года, рост метр пятьдесят, вес — килограммов сорок пять вместе с форменным фартуком, который она носила поверх пальто даже зимой. Она работала в обсерватории с восьмидесятого года — сначала уборщицей, потом поварихой, потом кем-то, чья должность размылась настолько, что в штатном расписании её обозначали просто «Сатоко-сан». Она была частью обсерватории в той же степени, в какой частью обсерватории был телескоп Шмидта — незаменимой, немного эксцентричной и абсолютно непоколебимой. За сорок с лишним лет она похоронила мужа, вырастила троих детей, пережила два директора и четыре реформы финансирования, которые каждый раз угрожали закрыть обсерваторию. Обсерватория выстояла. Сатоко — тоже.

Она знала всех астрономов по именам, помнила, кто какой чай предпочитает, и обладала сверхъестественным чутьём — безошибочно определяла, кто из учёных засиделся до опасной черты, за которой начинаются ошибки в расчётах и галлюцинации от переутомления.

— Спасибо, Сатоко-сан, не беспокойтесь. Я скоро пойду спать, — соврал Кэнтаро.

Он не собирался спать. Последние три ночи он анализировал странные данные с радиотелескопа — цепочку сигналов, которую система автоматического мониторинга первоначально классифицировала как помехи и отправила в папку «Шум» — ту самую, куда попадали случайные отражения от коммуникационных спутников, эхо солнечных вспышек и прочий космический мусор. Кэнтаро извлёк эти записи почти случайно: он перебирал архив в поисках совсем других данных, когда его внимание привлекла необычная регулярность шумовых всплесков. Три ночи он проверял, перепроверял, сравнивал с базами данных, исключал версию за версией. И сегодня что-то наконец начало проясняться.

Кэнтаро Накамура был не просто астрономом. Он был тем типом учёного, который в Японии встречается нечасто — одновременно блестящим теоретиком и упрямым практиком, способным неделями копаться в данных, отказываясь признать поражение. В свои тридцать пять он успел поработать в Жопса — Японском агентстве аэрокосмических исследований, — где два года занимался обработкой телеметрии с зонда «Хуябуса-3», летевшего к астероиду Рюк-2. Работа была рутинной, но именно там он научился находить иголки в стогах космических данных — замечать аномалии там, где другие видели только шум.

Потом была диссертация по астрофизике в Киотском университете — «Спектральные аномалии в радиоизлучении околоземных объектов класса S» — работа настолько узкоспециальная, что её могли полностью понять человек двадцать на всей планете. Научный руководитель, профессор Танабэ, на защите сказал:

«Накамура-кун, вы написали великолепную работу. Жаль, что она никому не нужна». Кэнтаро тогда промолчал, но внутри что-то сжалось — он знал, что Танабэ прав. Академическая карьера в Японии — это бесконечная цепочка публикаций в журналах, которые читают те же двадцать человек, заседаний комитетов и борьбы за гранты. Наука как открытие нового — то, ради чего он вообще пришёл в астрофизику, — здесь задохнулась под слоями бюрократии.

Именно поэтому Кэнтаро ушёл из большой науки и осел в обсерватории Кисо — на позиции рядового наблюдателя с мизерной зарплатой, зато с двадцатичетырёхчасовым доступом к радиотелескопу и полной свободой действий. Он даже поучаствовал в международном проекте SETI — программе поиска внеземных цивилизаций — в качестве волонтера-аналитика. Коллеги шутили, что он ищет инопланетян там, где их быть не может. Кэнтаро не обижался. Он

просто знал — с той спокойной уверенностью, которая отличает настоящих учёных от карьеристов, — что рано или поздно что-то найдёт. Вселенная слишком велика, чтобы молчать вечно.

— Что ж, — пробормотал он, поправляя очки — круглые, в тонкой металлической оправе, слегка перекошенные из-за привычки снимать их одной рукой, — либо я схожу с ума от хронического недосыпа, либо там действительно что-то есть.

На экране отображался график радиосигнала, зарегистрированного три дня назад. Линия на чёрном фоне выглядела как кардиограмма больного сердца — ровная, ровная, ровная, и вдруг — всплеск. Пауза в двести шестнадцать секунд. Снова всплеск. Пауза. Всплеск. Двести шестнадцать секунд. Как метроном. Как дыхание. Как пульс.

Сначала Кэнтаро принял это за помехи — какой-нибудь китайский спутник серии «Байбай», вышедший на нерасчётную орбиту, или отражение от протонной вспышки, зарегистрированной тремя днями ранее. Он проверил каталоги космического мусора — ничего подходящего. Сверился с данными солнечного мониторинга — вспышка была слишком слабой и направлена в другую сторону. Перебрал все известные спутники на соответствующих частотах — ни один не совпадал. Сигнал повторялся с пугающей регулярностью. Природные источники — пульсары, квазары, магнетары — не дают такой точности. Земные источники — спутники, станции, самолёты — дают другие частоты и другой рисунок. Этот сигнал не вписывался ни в одну известную Кэнтаро категорию.

И главное — он пульсировал. Не просто повторялся, а именно пульсировал: амплитуда менялась по синусоиде, словно кто-то дышал в радиодиапазоне.

Кэнтаро запустил программу спектрального анализа — разработанную, кстати, им самим на основе алгоритмов, которые он создал ещё в Жопса. Программа называлась «Мимизуку» — «Ушастая сова», — и коллеги из университета смеялись над этим названием, но сама программа была безупречна. Она могла разложить любой сигнал на составляющие, выделить гармоника, определить источник с точностью до углового сечения и рассчитать физические характеристики излучающего объекта.

Компьютер зажужжал, перерабатывая терабайты данных. Процессор нагрелся так, что вентиляторы перешли на максимальные обороты, наполняя комнату ровным гулом, похожим на далёкий прибор.

Кэнтаро откинулся на спинку кресла и допил остатки остывшего чая.

Через пять минут на экране появились результаты.

Он наклонился к монитору, и глаза за стёклами очков расширились.

— Не может быть, — выдохнул Кэнтаро.

Объект, излучавший сигнал, находился на расстоянии примерно одного миллиона двухсот тысяч километров от Земли — чуть больше трёхкратного расстояния до Луны — и двигался со скоростью, значительно превышающей типичную для метеоритов. Но не это поразило Кэнтаро.

Объект имел плотность, близкую к стали — около семи с половиной тонн на кубический метр. Это было характерно для никель-железных метеоритов, и само по себе не удивительно. Но температура плавления вещества, рассчитанная на основе спектрального профиля, оказалась аномально низкой для металла — всего около четырёхсот градусов Цельсия. Железо плавится при тысяче пятистах тридцати восьми. Никель — при тысяче четырёхстах пятидесяти пяти. Даже алюминий — самый легкоплавкий из конструкционных металлов — требует шестисот шестидесяти градусов.

Четыреста — это температура, при которой плавится свинец. Или цинк. Но ни свинец, ни цинк не могут образовывать объекты такой плотности в естественных условиях.

Кэнтаро перепроверил данные. Запустил программу ещё раз. Результат не изменился.

— Что ты такое? — спросил Кэнтаро у монитора, касаясь экрана кончиками пальцев, словно пытаясь прикоснуться к загадке.

Монитор молчал, но график пульсаций на экране как будто подмигнул ему — очередной всплеск совпал с его прикосновением.

Кэнтаро откинулся в кресле и посмотрел на график. Правильные, ритмичные пульсации. Ровные интервалы. Постоянная частота. Это было похоже на...

— Прямо как в «Сигнале из бездны: Когда молчат звёзды», — пробормотал он себе под нос.

Это была его любимая манга — история астронома, который поймал сигнал из далёкой галактики и обнаружил, что пульсации совпадают с частотой сердцебиения гигантского космического существа. Манга была дурацкой, научно недостоверной и до слёз трогательной. Кэнтаро прочитал её семь раз и каждый раз плакал на финальной главе.

Он сам усмехнулся своей глупости. Учёный с диссертацией по астрофизике сравнивает реальные данные с мангой. Профессор Танабэ, наверное, перевернулся бы в кресле, если бы это услышал.

Но всё же... ритм был тот же. Двести шестнадцать секунд — почти четыре минуты. Медленное, глубокое дыхание.

Кэнтаро потрянул головой, отгоняя фантазии, и открыл программу визуализации. Он ввёл данные траектории: координаты, скорость, ускорение, массу. На экране появилась трёхмерная модель Солнечной системы — привычная картинка с орбитами планет, астероидным поясом и далёкими точками транснептуновых объектов. Красная точка, обозначающая неизвестный объект, двигалась по эллиптической орбите, которая... не подчинялась законам Кеплера.

Кэнтаро нахмурился и увеличил масштаб. Законы Кеплера — это основа небесной механики. Любое тело в гравитационном поле звезды движется по эллипсу, в одном из фокусов которого находится звезда. Скорость зависит от расстояния: ближе к звезде — быстрее, дальше — медленнее. Это незыблемо, как таблица умножения.

Но этот объект вёл себя иначе. В определённых точках траектории он ускорялся без видимой причины, а в других — замедлялся, хотя должен был ускоряться. Кэнтаро трижды пересчитал гравитационное влияние всех ближайших тел — Юпитера, Марса, Земли, Луны. Даже учёл Венеру, хотя на таком расстоянии её влияние было ничтожным. Результат оставался прежним: объект не просто летел — он корректировал свой курс. Менял траекторию в ответ на какие-то внутренние импульсы, не связанные с гравитацией.

— Искусственное происхождение? — пробормотал Кэнтаро. — Космический корабль? Зонд? Или естественное, но живое?

Последняя мысль была дикой даже по его меркам. Живое существо в открытом космосе? Без атмосферы, без давления, при абсолютном нуле? Биология говорила: невозможно. Физика говорила: невозможно. Манга говорила: а вдруг?

Он увеличил масштаб ещё сильнее и переключился на радиолокационные данные. Детальных снимков объекта не существовало — он был слишком далеко для оптических телескопов, — но радар давал грубый контур. По отражённому сигналу можно было восстановить примерную форму и размеры.

Данных о форме объекта было немного — только радиолокационные отражения, собранные за трое суток. Кэнтаро наложил их друг на друга, построил усреднённую модель, убрал шумы. Получившаяся картинка была размытой, нечёткой, похожей на тест Роршаха. Но даже по ней можно было понять, что объект имел... неправильную форму. Два крупных округлых выступа — почти идеальные сферы, каждая диаметром около ста пятидесяти метров, — соединённые перемычкой неправильной формы. Общая длина — около трёхсот пятидесяти метров. Ширина в самой узкой части — около сорока.

Кэнтаро снял очки и протёр глаза кулаками — жест, который он повторял сотни раз за ночные дежурства. Глаза болели от яркого экрана, в висках пульсировала тупая боль — верный признак того, что организм исчерпал резерв и держится только на чистом упорстве.

Он снова надел очки и посмотрел на экран. Две сферы, перемишка. Ему показалось, или очертания действительно напоминают...

— Нет, — сказал он вслух, обращаясь к пустой комнате. — Этого не может быть. Я просто переработал. Мозг начинает находить знакомые образы в случайных формах. Парейдолия. Нормальная реакция переутомлённого сознания.

Но отогнать мысль не получалось. Она сидела в голове, как заноза, и с каждой секундой становилась всё назойливее.

Он отхлебнул остывший чай — тот уже стал горьким и безвкусным, как вода после стирки, — и открыл программу расчёта траектории падения. Если объект продолжит двигаться с текущими параметрами, через некоторое время он неизбежно войдёт в зону притяжения Земли. Вопрос был — когда и куда.

Кэнтаро задал параметры: массу объекта (приблизительную, рассчитанную по плотности и объёму), скорость, угол входа в гравитационный колодец, сопротивление верхних слоёв атмосферы. Нажал «Рассчитать» и откинулся на спинку кресла.

Компьютер выдал результат через секунду. Кэнтаро наклонился к экрану.

Зона падения: пустыня Гоби. Координаты: примерно сорок два градуса северной широты, сто три градуса восточной долготы. Территория Китайской Народной Республики, провинция Внутренняя Монголия, примерно в ста километрах от границы с Монголией.

Расчётное время входа в атмосферу: четырнадцать дней.

— Чёрт, — выдохнул Кэнтаро.

Он откатился от стола на стуле с колёсиками и уставился в потолок. Пустыня Гоби — одно из самых безлюдных мест на планете, миллион квадратных километров песка, камней и ветра. С точки зрения безопасности — идеальное место для падения. Минимум жертв, минимум разрушений. Если бы объект целился в Токио, или Шанхай, или Нью-Йорк — это была бы катастрофа планетарного масштаба. А так — просто очень большой метеорит в очень пустом месте.

Но была проблема. Территория Китая.

Китайцы не любят, когда иностранные учёные суют нос в их дела. Это Кэнтаро знал по собственному опыту — ещё в Жопса он участвовал в проекте совместного мониторинга околоземных объектов, и китайская сторона согласилась делиться данными только после трёх месяцев переговоров и личного звонка директора Жопса его китайскому коллеге. Особенно если речь идёт о чём-то, что может оказаться... ну, чем угодно. Новым оружием. Чужим спутником. Или вообще тем, о чём думать не хотелось.

Кэнтаро посмотрел на часы. Половина четвёртого утра. В Токио ещё спят — даже самые ранние служащие не встают раньше пяти. В Пекине — полчетвёртого. Тоже глубокая ночь.

Но у него был прямой контакт в Китайской академии наук — профессор Ли Вэй, специалист по планетарной геологии. Они познакомились десять лет назад, в аспирантуре Массачусетского технологического института. Оба были иностранцами, оба — немного потерянными в шумном, хаотичном Бостоне, и оба — одержимыми космосом до степени, которую их американские однокурсники считали «чутьочку ненормальной». Они делили комнату в общежитии, вместе ходили в дешёвую рамённую на углу Мейн-стрит, спорили до хрипоты о природе тёмной материи и однажды напились так, что проснулись на крыше факультета физики, обнимая телескоп.

Ли Вэй был хорошим учёным — дотошным, внимательным, с интуицией, которая выручала его там, где формулы пасовали. И он был порядочным человеком, что в мире большой науки и большой политики было редкостью, граничащей с чудом. Если кто-то мог помочь — не из корысти, а потому что так правильно — это был Ли Вэй.

Кэнтаро открыл мессенджер на телефоне и набрал сообщение. Пальцы слегка дрожали — то ли от усталости, то ли от осознания того, что он, возможно, сейчас делает шаг, который невозможно будет отменить.

«Ли, привет. Извини за поздний час. У меня странные данные. Объект на траектории падения в Гоби. Похоже на метеорит, но с аномальными характеристиками. Плотность стали, температура плавления — четыреста градусов. Траектория не кеплерова. Можешь проверить по своим каналам? Это может быть важно».

Он перечитал сообщение дважды, убрал слово «важно» — слишком драматично, — потом вернул его обратно. Нажал «Отправить» и откинулся на спинку кресла. Зелёная галочка подтвердила доставку.

Глаза слипались. Чай закончился. За окном начало светать — небо на востоке, за горами, едва заметно посерело, и первые птицы начали пробовать голос — робко, неуверенно, словно не были до конца уверены, что ночь действительно кончилась.

— Накамура-сан! — снова заговорила Сатоко по громкой связи. Голос её стал строже — она переходила в режим «кормящая бабушка», который не терпел возражений. — Вы ещё не спите? Я же говорила, что принесу онигири! Вы молодые люди совсем себя не бережёте! В прошлом году Ямагути-сан так же сидел по ночам, и что? Попал в больницу с язвой! Я вам не позволю повторить его судьбу!

Кэнтаро улыбнулся. Ямагути-сан попал в больницу не из-за ночных дежурств, а из-за того, что ел одну лапшу быстрого приготовления три месяца подряд, но спорить с Сатоко было бесполезнее, чем спорить с гравитацией.

— Иду, Сатоко-сан, — ответил он. — Спасибо.

Он встал, потянулся, хрустнув суставами — шея, поясница, колени отозвались на это движение целой симфонией щелчков, — и уже собирался выключить компьютер, когда экран мигнул. Пришло новое сообщение.

Кэнтаро замер. Рука зависла над кнопкой. Он посмотрел на часы — с момента отправки прошло всего восемь минут. Ли Вэй не спал? Или...

Он открыл сообщение. Текст был коротким, но каждое слово било, как молотком:

«Кэнтаро. Твои данные совпадают с нашими. Мы тоже засекли объект. Три дня назад. Держи в курсе. И будь осторожен. Наверху не любят сенсаций».

Кэнтаро медленно сел обратно в кресло. Перечитал сообщение. Потом ещё раз.

«Совпадают с нашими». Значит, китайцы тоже видят объект. Возможно, уже три дня. Возможно, дольше. Возможно, они знают больше, чем Кэнтаро, и просто молчат. Это было бы в их стиле.

«Наверху не любят сенсаций». Эта последняя строчка могла означать что угодно. Она могла означать обычную бюрократическую осторожность — начальство не хочет шума, пока данные не подтверждены. Могла означать, что информация засекречена, и Ли Вэй рискует карьерой, делясь ею. А могла означать, что китайцы уже готовят операцию по перехвату, изъятию, изучению — или уничтожению — и любая утечка будет расценена как угроза национальной безопасности.

— Ну что ж, — сказал Кэнтаро, выключая монитор. На экране мелькнул его отражённый силуэт — худой, сутулый, с торчащими вихрами и круглыми очками, похожий на персонажа из своей любимой манги. — Посмотрим, кто кого.

Он вышел из аппаратной и пошёл по тёмному коридору к столовой. Линолеум поскрипывал под ногами, люминесцентные лампы на потолке мигали — треть из них давно перегорела, и никто не спешил менять. Обсерватория Кисо переживала не лучшие времена: финансирование урезали третий год подряд, половина оборудования была старше Кэнтаро. Но для него это место было домом — единственным местом, где он чувствовал себя на своём месте.

В столовой его ждали онигири — три аккуратных рисовых треугольника, завёрнутых в хрустящие листы нори, с начинкой из солёной сливы, тунца и маринованной морской капусты. Рядом стояла чашка горячего чая — свежесваренного, ароматного, совсем не похожего на ту бурду, которую Кэнтаро пил у себя в кабинете. И конечно, была ворчливая Сатоко, которая тут же начала расспрашивать, почему молодые люди — она называла «молодыми» всех, кому не исполнилось шестидесяти, — не спят по ночам и портят здоровье.

— В ваши годы нужно отдыхать! — говорила она, подливая чай. — Вон Ямагути-сан...

— Ямагути-сан ел лапшу из стаканчика, — попытался вставить Кэнтаро.

— Не перебивайте! Ямагути-сан тоже так говорил. А потом — бац! — и в больнице. Месяц на капельницах. Его жена мне звонила, плакала. Вы хотите, чтобы ваша жена тоже плакала?

— У меня нет жены, Сатоко-сан.

— Вот! Вот именно! Потому что вы не спите! Какая девушка захочет быть с мужчиной, который выглядит как привидение? Посмотрите на себя — бледный, худой, круги под глазами. Вам нужно жениться! Моя племянница...

— Спасибо, Сатоко-сан, я подумаю, — Кэнтаро улыбнулся, зная, что спорить бессмысленно.

Он потянулся за онигири, и полы лабораторного халата, наброшенного поверх домашней одежды, разъехались. Из-под них мелькнул край принта на футболке — какая-то розоволосая девочка с непропорционально большими глазами и волшебной палочкой, окружённая сверкающими звёздами. Кэнтаро быстро запахнул халат, но Сатоко, к счастью, в этот момент отвернулась к чайнику и ничего не заметила.

Он выдохнул. Некоторые тайны должны оставаться тайнами.

Кэнтаро жевал рисовый шарик — солёная слива внутри была идеальной: кислой, терпкой, с лёгкой горчинкой, — и смотрел в окно столовой на розовеющее небо. Горы на горизонте из чёрных превратились в тёмно-синие, потом в фиолетовые, а самые высокие вершины уже поймали первые солнечные лучи и засветились золотом. Красота была такой совершенной, такой спокойной, что на секунду показалось: весь мир — это горы, рассвет и рисовый шарик.

Но Кэнтаро знал, что это не так. Где-то там, за облаками, за стратосферой, за невидимой границей, где голубое небо уступает место чёрному космосу, к Земле летела гигантская стальная... штука. Размером с десять футбольных полей. С плотностью стали и температурой плавления свинца. Которая, как будто знала, куда летит. Которая через две недели упадёт в пустыне Гоби и, возможно, изменит всё — всю науку, всю политику, всё представление человечества о своём месте во вселенной.

Или не изменит ничего. Упадёт, зароется в песок, и через неделю все забудут.

Кэнтаро жевал онигири и надеялся на первый вариант.

— Вкусно? — спросила Сатоко, заглядывая ему в лицо с материнской тревогой.

— Очень, — ответил Кэнтаро. — Правда, очень вкусно. Спасибо, Сатоко-сан.

Она довольно кивнула и пошла мыть чайник, бормоча себе под нос что-то о «безответственной молодёжи» и «племяннице, которая до сих пор не замужем».

Кэнтаро доел онигири, допил чай и ещё раз посмотрел в окно. Рассвет был в самом разгаре. Новый день начинался.

И что-то подсказывало ему, что этот новый день станет первым в совершенно другой жизни.

Глава 2. Стример и мем

В то самое время, когда Кэнтаро Накамура жевал онигири в тишине горной обсерватории, за десять тысяч километров от него, в городе Остин, штат Техас, в комнате с наглухо задёрнутыми шторами, происходило нечто гораздо более важное для мировой культуры.

Кайл Стивенсон, известный в интернете как Голден Болд, сидел в своём кресле. Он сидел в этом кресле последние двенадцать часов. Иногда он вставал, чтобы дойти до туалета или открыть очередную пиццу, но в целом кресло было его домом, его трон и, вероятно, его будущим гробом.

На вид Кайлу было около тридцати. Длинные тёмные волосы, собранные в хвост, обрамляли бледное лицо с короткой аккуратной бородой — единственное, за чем он следил с педантичностью человека, у которого больше никого нет. Футболка с надписью «Gamer since birth» имела несколько подозрительных пятен, но борода была идеально подстрижена. Никнейм «Золотой лысый» был данью иронии — лысины у него не было, но в интернете это никого не волновало.

Перед ним стояли три монитора. На левом — стрим с игрой Ворлд оф Варкэт, свёрнутый в угол, потому что основное действие происходило на центральном. Там была открыта вкладка с Итубом, где какой-то политический обозреватель рассказывал про очередной скандал в конгрессе. На правом мониторе летел чат — со скоростью пулемётной очереди.

Комната вокруг Кайла представляла собой археологический памятник современной цивилизации. Три пустые коробки из-под пиццы лежали стопкой у ножки стола, как руины башни Вавилонской. Рядом громоздилась батарея банок из-под «Маунтин Джо» — некоторые были смяты в блин, некоторые стояли ровно, как солдатики на параде. По полу змеились провода от трёх мониторов, двух зарядок и одного вентилятора, который работал на полную мощность, но проигрывал битву с техасской жарой. В углу стояла корзина для белья — пустая, потому что всё бельё было разбросано по комнате, создавая своеобразный ландшафт, по которому Кайл ориентировался не хуже, чем по карте в игре. Вон те носки у шкафа — это «Северо-Запад», грязная футболка у двери — «Юг», а полотенце, свисающее с кресла, — «Центральный регион».

На стене за спиной Кайла висел флаг США. Рядом красовался постер с надписью «Trust No Politician», который Кайл купил на распродаже в интернете и считал своим жизненным кредо.

— Чат, вы вообще видели этого конгрессмена? — Кайл говорил с набитым ртом, жуя кусок пиццы «четыре сыра». — Он реально думает, что мы поверим, будто он не знал про эти транзакции? Да он увяз в коррупции по уши! Джо, ты где работаешь? В банке? Скажи, могут там быть такие левые схемы?

Чат летел:

ГолдЛовер: Джо в банке полы моет Хх_Слэйер_хХ: У Джо ИПОТЕКА, ОН НИЧЕГО НЕ СКАЖЕТ Джо_реальный: я в колл-центре работаю, вообще ничего не знаю фурри_либтард: очередной стример-республиканец несёт чушь, Тайрон Блидч всё делал правильно, пока выборы не украли

— О, фурри_либтард проснулся, — усмехнулся Кайл, заметив знакомый ник. — Слышь, фурри_либтард, я не республиканец. Я вообще ничей. Я просто смотрю на этот цирк и офигаю. А твой Тайрон Блиндч проиграл выборы, смились уже. Хайд теперь президент, и ничего, живём как-то.

Кайл откинулся в кресле, которое жалобно скрипнуло. Кресло было геймерское, чёрное, купленное на заработки со стримов пять лет назад. С тех пор оно прошло через многое: на нём спали, на нём ели, на нём однажды даже пытались заниматься йогой (неудачно — Кайл застрял в позе «собака мордой вниз» и ему пришлось звать на помощь чат, который, разумеется, только ржал). Левый подлокотник был замотан изолентой, правый — залит газировкой, а спинка хранила на себе отпечаток тела Кайла, как негатив на старой фотографии.

фурри_либтард: выборы были сфальсифицированы, Тайрон Блиндч — настоящий президент Хх_Слэйер_хХ: ОПЯТЬ ЭТОТ ФУРРИ ПРИПЁРСЯ ГолдЛовер: фурри_либтард, иди в свою goon cave

— Ладно, не трогайте его, — лениво отмахнулся Кайл.

— Пусть человек живёт своими иллюзиями. Ему, наверное, одиноко в своём фурри-костюме.

Он потянулся за банкой газировки. Она была последней из шестёрки, купленной вчера — или позавчера, Кайл уже не помнил. Время в его мире измерялось не часами и днями, а стримами и заказами пиццы. Газировка зашипела, когда он открыл крышку, и несколько капель упали на клавиатуру. Кайл привычным движением смахнул их рукавом. Клавиатура пережила столько подобных инцидентов, что отдельные буквы на клавишах стёрлись полностью, но Кайл печатал вслепую — и слепота его клавиатуры этому только способствовала.

фурри_либтард: 50 тысяч зрителей смотрят, как мужик жрёт пиццу, когда в стране кризис демократии, это и есть ваша Америка при Хайде

— фурри_либтард, у тебя какое-то нездоровое стремление влезать в каждый мой стрим и нести ересь, — Кайл сделал большой глоток газировки и рыгнул так, что микрофон захрипел. — Извини, чат. Неконтролируемая отрыжка. Так вот, фурри_либтард, если тебе так не нравится мой стрим — иди смотри ССН. Там тебе расскажут, какой Хайд плохой, и ты будешь счастлив. А мы тут своими делами занимаемся.

Чат отреагировал мгновенно:

Хх_Слэйер_хХ: ССН ДЛЯ БУМЕРОВ ГолдЛовер: фурри_либтард смотрит ССН и плачет НайтОул42: я сюда за мемами пришёл, а тут политика Джо_реальный: а можно просто поиграем? фурри_либтард: ты оскорбляешь ССН, который является одним из немногих оплотов правдивой журналистики в этой стране, и это показывает твою предвзятость

— Оплот правдивой журналистики! — Кайл чуть не выплюнул газировку. — Чат, вы слышали? ССН — оплот правды! А я — балерина! Ладно, фурри_либтард, живи в своём мире. Я не буду тебя разубеждать. У каждого свои увлечения: кто-то носит фурри-костюм, кто-то верит ССН, а кто-то делает и то, и другое одновременно.

Донат. Пять долларов. Сообщение: «Голден Болд, ты лучший. Привет из Мичигана. Расскажи про тот скандал с сенатором».

— О, мичиганский друг! — Кайл оживился. — Спасибо за пятёрку, брат.

Конечно расскажу. Так вот, этот сенатор...

Следующие двадцать минут он разбирал очередной политический скандал с таким энтузиазмом, будто вёл авторское шоу на крупном канале. Кайл умел это делать — брать скучную новость и превращать её в шоу. Он размахивал руками, менял голос, изображал участников скандала, показывал графики (криво нарисованные в пэйнте, но это не имело значения), и чат отвечал ему потоком эмоций.

👑 Хх_Слэйер_хХ: ССН ДЛЯ БУМЕРОВ 🤔

📺 ГолдЛовер: фурри_либтард смотрит ССН и плачет

🏠 НайтОул42: я сюда за мемами пришёл, а тут политика

👑 Джо_реальный: а можно просто поиграем? 🗨️

🏠 фурри_либтард: ты оскорбляешь ССН, который является одним из немногих оплотов правдивой журналистики в этой стране, и это показывает твою предвзятость

фурри_либтард периодически вставлял свои комментарии, как надоедливый комар, который гудит над ухом и которого невозможно прихлопнуть:

фурри_либтард: ты забываешь упомянуть, что этот сенатор — республиканец, и это всё объясняет фурри_либтард: при Тайрон Блиндч такого не было бы фурри_либтард: Хайд разрушает демократические институты, а такие как ты аплодируют

Кайл игнорировал его с мастерством дзен-мастера. Или, точнее, с мастерством человека, который двенадцать часов в день читает интернет-комментарии и давно потерял способность обижаться.

— Кстати, чат, — Кайл потянулся и хрустнул шеей, — кто-нибудь видел, что там НСАА выложило? Мне кто-то скинул в дискорд ссылку, но я ещё не смотрел.

Чат оживился:

НайтОул42: ДА СМОТРИ УЖЕ юзер123: там какой-то объект нашли Джо_реальный: я видел, выглядит стрёмно фурри_либтард: НСАА при Хайде опять урежут финансирование, а при демократах у нас была бы космическая программа мирового уровня, но такие как Голден Болд этого не ценят

— О господи, — закатил глаза Кайл. — фурри_либтард, отстань со своей фигней. Я просто хочу посмотреть на космос. Можно мне хоть на космос посмотреть без твоих политических комментариев? Или ты и Луну Блиндчу припишешь?

фурри_либтард: Луна — общее достояние человечества, и Хайд не имеет на неё права, в отличие от...

— Всё, игнорю, — объявил Кайл. — Чат, фурри_либтард в игноре.

Давайте смотреть на звёздочки.

Он открыл сайт НСАА и начал листать снимки. Туманности, галактики, какие-то графики, от которых у нормального человека закипел бы мозг. Чат скучал. Кто-то писал «скучно», кто-то требовал вернуть политику, кто-то донатил по доллару с подписью «потерпи, брат».

Кайл листал страницу за страницей, попивая газировку и периодически комментируя:

— О, красивая туманность... Это что, Андромеда? Нет, какая-то другая. Чат, кто-нибудь шарит в астрономии? Мне эта штука напоминает облако, которое я видел из окна, когда в последний раз выходил на улицу. Это было... — он задумался, — ...два месяца назад? Три? Когда приходил курьер, и я открыл дверь, и свет ударил мне в глаза, и я понял, что существует жизнь за пределами этой комнаты. Страшное открытие, доложу я вам.

ГолдЛовер: ДВА МЕСЯЦА? КАЙЛ ТЫ ВАМПИР Хх_Слэйер_хХ: ПОКАЖИ ХОЛОДИЛЬНИК Джо_реальный: а в холодильнике пусто

небось фурри_либтард: 50 тысяч зрителей смотрят, как мужик листает сайт НСАА, а могли бы смотреть просветительские стримы про права меньшинств

— фурри_либтард, у тебя самого зрителей ноль, — парировал Кайл. — Иди лучше свой стрим открой, покажешь нам, как фурри борются за права при Хайде.

Но потом Кайл наткнулся на раздел с астероидами и околоземными объектами. И тут что-то зацепило его взгляд.

— О, смотрите, — сказал он, увеличивая изображение. — Тут написано «неопознанный объект на орбите, предварительные данные». И координаты. Чат, это похоже на НЛО? Давайте проверим, чё там.

Кайл открыл программу для просмотра спутниковых снимков. Это потребовало от него усилий — пришлось даже доесть пиццу, чтобы освободить руку. Вторая рука — грязная, жирная и блестящая от сыра — легла на мышку. Кайл вбил координаты, промазав раза три по нужным клавишам. Клавиатура издала тихий крик отчаяния — или это был просто скрип пружины, трудно сказать.

Несколько минут программа грузила данные, а Кайл тем временем рассказывал про очередной политический скандал:

— ...и вот этот мудака из сената, он вообще не имел права голосовать за этот закон, потому что у него там акции этих компаний. Я таких насквозь вижу, они думают, что мы тупые. А мы не тупые, мы просто ленивые. Есть разница!

фурри_либтард: лень — это привилегия белого мужчины в капиталистическом обществе, ты даже не осознаёшь свою токсичность

— фурри_либтард, я осознаю свою токсичность каждый раз, когда снимаю носки. Это буквальная токсичность. Химическое оружие массового поражения. А твоя токсичность — она больше... ментальная. Что хуже — ещё вопрос.

Чат зашёлся:

Хх_Слэйер_хХ: НАПОВАЛ ГолдЛовер: фурри_либтард В НОКАУТЕ НайтОул42: позвоните в скорую для фурри_либтард Джо_реальный: хахаха

Тут изображение загрузилось.

— Чё это за хрень? — выдохнул Кайл, забыв про сенатора.

На снимке был объект. Качество оставляло желать лучшего — телескопы не идеальны, особенно когда снимают хер знает что за миллион километров, — но очертания просматривались отчётливо. Две идеально круглые сферы, соединённые перемычкой. И какой-то кратер посередине, напоминающий...

Кайл замолчал. Он наклонился ближе к монитору, так близко, что его нос почти касался экрана. Потом откинулся назад. Потом снова наклонился. Глаза его медленно расширялись.

Тишина в чате длилась секунды три. Это была вечность по меркам интернета. Потом чат взорвался:

**Хх_Слэйер_хХ: ЭТО ЖОПА ГолдЛовер: Я ТОЖЕ ПОДУМАЛ
Джо_реальный: адская жопа из космоса фурри_либтард: вы
сексуализируете космический объект, это оскорбляет мои чувства
юзер123: непохоже Хх_Слэйер_хХ: ТЫ СЛЕПОЙ? ДВЕ булки и анус
НайтОул42: КОСМИЧЕСКАЯ ЗАДНИЦА ПиццаКинг: Я НЕ МОГУ
РАЗВИДЕТЬ Джо_реальный: кто-нибудь, сделайте скриншот, ПОКА
НЕ УДАЛИЛИ**

Кайл заржал. Он ржал так, что пицца чуть не вылетела обратно. Он ржал так, что кресло проехало назад полметра по полу, оставив царапины. Он ржал так, что сбил коленом одну из банок «Маунтин Джо», и она с грохотом покатилась под стол, присоединившись к кладбищу своих предшественниц. Он вообще часто смеялся — это была часть его образа, единственная физическая активность, которую он регулярно практиковал.

— Чат, вы больные на всю голову, — сказал он, вытирая слёзы. — Но да, реально похоже. Ёбанный космос, это выглядит как... нет, я не могу. Я реально не могу. Это самая жопастая штука, которую я видел в жизни, а я видел много жоп. В интернете. Только в интернете, — поправился он.

**фурри_либтард: это вульгарно и оскорбительно, ты
объективируешь космический объект, который может принадлежать
развитой цивилизации с другими ценностями**

— фурри_либтард, если у этой цивилизации такие формы, то их ценности мне очень близки, — парировал Кайл. — Ладно, ёбанный космос, у тебя теперь есть имя.

Он сделал скриншот, открыл фотошоп (в котором умел только писать тексты огромными буквами и рисовать кривые стрелки), нацарапал поверх красным маркером «HELL ASS FROM SPACE» и добавил несколько стрелок, указывающих на «булки» и «анус». Стрелки были кривыми, текст — огромным и слегка заезжающим за край картинки. Идеально.

Он открыл ХХХ. Подумал секунду — может, стоит написать что-то умное? Нет. Умное — это для людей с учёными степенями. А он — стример с аудиторией в пятьдесят тысяч, которая ждёт от него не умного, а смешного.

**@ГолденБолдСтрим: Обнаружил новый объект на орбите.
Называю его Hell Ass From Space. Пожалуйста, используйте это
официальное название во всех научных работах. Спасибо.**

Он прикрепил картинку и нажал «Опубликовать».

— Готово, — сказал он, довольно откидываясь в кресле. — Название официально утверждено стримером Голден Болд. Можете использовать в научных работах. Цитируйте, ссылайтесь, благодарите меня в дипломных. Я принимаю дипломы в формате PDF и донаты в формате долларов.

фурри_либтард: Ты должен извиниться перед сообществом за использование слова «жопа». Это триггер для многих. И Хайд — позор Америки, Тайрон Блиндч был бы лучше.

— фурри_либтард, иди нахуй, — добродушно ответил Кайл. — Хайд, не Хайд, а живём пока.

— А теперь давайте вернёмся к нормальным новостям, — продолжил он, потянувшись за новым куском пиццы и обнаружив, что коробка пуста. Он посмотрел на коробку. Коробка посмотрела на него. Пустота. Экзистенциальная пустота, заключённая в картоне, пропитанном жиром.

— Чёрт. Ладно, закажу позже. Так вот, там Хайд хочет запретить въезд иммигрантов из небелых стран...

фурри_либтард: Ты должен извиниться перед сообществом за использование слова «жопа». Это триггер для многих. И Хайд — позор Америки, Тайрон Блиндч был бы лучше.

— фурри_либтард, ты уже это писал, — Кайл прищурился на чат. — У тебя там бот? Или ты просто копипастить? Знаешь что, мне даже не обидно. Мне льстит, что ты тратишь свою жизнь на то, чтобы писать мне одни и те же сообщения. Это своего рода комплимент. Извращённый, но комплимент.

Чат поржал, кто-то задонатил пять баксов с подписью «за науку», и Кайл благополучно забыл про космическую жопу. Следующие три часа он обсуждал с чатом последние политические скандалы, разбирал новый закон о налогах, подписанный Хайдом, и рассказывал, почему очередной стример — позор индустрии.

Периодически Кайл вставал, чтобы дойти до кухни — вернее, до того, что когда-то было кухней, а теперь представляло собой стратегический склад пиццы и газировки. Веб-камера в такие моменты показывала пустое кресло с вмятиной от его тела, и чат развлекался сам:

**ГолдЛовер: кресло выглядит счастливее без него Хх_Слэйер_xX:
КРЕСЛО ПОДАЛО НА РАЗВОД НайтОул42: минута молчания за спину Кайла**

фурри_либтард периодически вставлял язвительные комментарии про недостаточную прогрессивность Кайла, но его никто не слушал. Он был как фоновый шум — постоянный, раздражающий и в конечном счёте привычный, как шум кондиционера или гудение холодильника.

**фурри_либтард: вы все зомби капитализма, сидите и смотрите на клоуна, вместо того чтобы бороться за социальную справедливость
фурри_либтард: а потом будете жаловаться, что Хайд ущемляет ваши права
фурри_либтард: Тайрон Блиндч вернётся, и тогда вы все пожалеете**

— фурри_либтард, ты как сериал, который никто не смотрит, но он продолжает выходить сезон за сезоном, — сказал Кайл, вернувшись с новой пищей. — Я тебя уважаю за упорство. Серьёзно. Вот это настоящая самоотдача. Если бы ты с таким же рвением делал что-нибудь полезное, ты бы уже был миллионером. Или хотя бы стримером с двумя зрителями вместо нуля.

фурри_либтард: иди нахер, нацист

— А вот это уже прогресс! — обрадовался Кайл. — Ты сократил свой комментарий до трёх слов! Эволюция в прямом эфире! Чат, мы наблюдаем историческое событие!

Стрим продолжался. За окном Остин жил своей жизнью — машины ездили, люди ходили, солнце светило. Но в комнате Кайла время стояло на месте, отмеряемое только стуком клавиш и звуком газировки.

На следующее утро Кайл проснулся от того, что телефон, лежащий где-то под грудой мусора на тумбочке, разрывался от уведомлений.

— Какого хрена? — прохрипел он, шаря рукой в поисках телефона.

Рука прошла через слой из пустой упаковки от чипсов, зарядки от наушников, квитанции из какого-то онлайн-магазина (он даже не помнил, что заказывал) и трёх ручек, которые непонятно откуда взялись, потому что Кайл ничего не записывал с тех пор, как окончил школу.

— Кому я понадобился в... — он глянул на часы, — ...в час дня?

Серьёзно? Кто в час дня работает? Ненормальные?

Он нащупал телефон. Экран горел десятками уведомлений. Тысячами. Кайл сел на кровати, протёр глаза и уставился на цифры. Сон мгновенно слетел.

— Чего?

XXX: 200 000 уведомлений.

Его вчерашний твит... Кайл открыл XXX.

@ГолденБолдСтрим: Обнаружил новый объект на орбите. Называю его Hell Ass From Space. Пожалуйста, используйте это официальное название во всех научных работах. Спасибо.

Твит набрал миллион ретвитов. Миллион!

— Да ну нахер, — выдохнул Кайл.

Он листал ленту, и с каждым свайпом глаза его становились всё шире. Картинка с обвешенной «жопой» разлетелась по всему интернету. Мемоделы уже всюду веселились: кто-то дорисовал объекту ножки и сделал из него персонажа Южного Парка, кто-то приделал глаза и получился инопланетянин, кто-то сделал коллаж с разными знаменитостями, у которых были выдающиеся задницы. Кто-то нарисовал объект в стиле Ренессанса — как потолок Сикстинской капеллы, но вместо Бога — две сферы, и палец Адама тянулся к... ну, к тому самому месту. Кто-то перерисовал логотип НСАА, заменив букву «А» на очертания объекта. Кто-то

сделал мотивационный постер: «Shoot for the moon. If you miss, you'll land among the asses» — с картинкой объекта на фоне звёзд.

Новостные сайты подхватили. The Moon, Nightly Mail, даже какие-то серьёзные издания типа BWC вставили скриншот с подписью «Объект, получивший в интернете неофициальное название "Адская жопа"». Какой-то профессор из MIT дал интервью, в котором сказал: «Название, конечно, вульгарное, но в целом форма объекта действительно необычна». Другой профессор, из Гарварда, назвал название «оскорбительным для науки». Третий — из Стэнфорда — просто ретвитнул оригинальный пост Кайла и написал: «Ну а что? Похоже».

фурри_либтард тоже не дремал. Он уже написал длинный тред в XXX, который начинался так: «Стример Голден Болд продолжает нормализовать вульгарную культуру белого мужского превосходства, давая космическому объекту сексуализированное название. Это неуважение к возможной инопланетной цивилизации и к человечеству в целом. Нить (1/47)».

Сорок семь твитов. Кайл пролистал их по диагонали. Каждый был длиннее предыдущего. В конце фурри_либтард призывал к бойкоту Голден Болд и требовал, чтобы НСАА официально осудило название.

— Сорок семь, — повторил Кайл, глядя на экран. — Этот человек написал сорок семь твитов про мою шутку. У него есть работа? Семья? Хобби? Нет, стоп — его хобби, видимо, это.

Кайл включил компьютер. Пока грузилась система, он натянул свежую футболку (найденную под кроватью) и поправил бороду перед веб-камерой. С волосами было всё плохо, но борода — святое.

Запустил эфир. Через минуту у него было пятьдесят тысяч зрителей. Через пять — сто пятьдесят тысяч. Через десять — двести. Сервера Коск начали подвисать. Чат летел так, что строчки сливались в сплошную стену текста. Это было похоже на водопад из букв — каждое сообщение жило долю секунды, прежде чем его сносило следующей волной.

**ГолдЛовер: ОН ПРОСНУЛСЯ Хх_Слэйер_хХ: ЖОПА ЖИВА
Джо_реальный: ГОСПОДИН ЖОПА НайтОул42: КОРОЛЬ ЗАДНИЦ
ПиццаКинг: ОН РЕАЛЬНО НЕ ЗНАЛ фурри_либтард: опять этот
безработный нацист в эфире, ничего не изменилось юзер123:
расскажи про жопу**

— Народ, — сказал Кайл, почёсывая бороду и шурясь от яркого света мониторов, — вы вообще видели, что вчера произошло? Я просто пошутил! Я просто обвёл херню на скриншоте! Кривыми стрелками! В фотошопе! Который я не умею использовать! И теперь я на первой полосе BWC? Рядом с «Принцесса съела не тот круассан» и «Кошка спасла хомяка из горящего дома»?

**фурри_либтард: 150 тысяч зрителей смотрят, как мужик
оправдывается за твит, а могли бы смотреть образовательные стримы
про изменение климата**

— фурри_либтард, если ты такой умный, иди и смотри свои образовательные стримы, — отмахнулся Кайл. — А мы тут развлекаемся. Кстати, фурри_либтард, ты написал сорок семь твитов про меня. Сорок. Семь. Ты потратил на это, что, часа три? Четыре? Ты мог бы за это время выучить язык. Или приготовить ужин. Или хотя бы выйти на улицу. Но нет. Ты

написал сорок семь твитов про мою шутку про жопу. Спасибо, фурри_либтард. Ты мой самый преданный фанат.

фурри_либтард: я не фанат, я активист, и я буду бороться с такими как ты до конца

— До конца чего? — уточнил Кайл. — До конца XXX? До конца интернета? До конца вселенной? Потому что, судя по твоей продуктивности, ты и после конца вселенной будешь строчить твиты.

Чат взорвался:

Хх_Слэйер_xX: ПОХОРОНИТЕ ФУРРИ ГолдЛовер: ОН УЖЕ МЁРТВ НайтОул42: фурри_либтард is typing... фурри_либтард is always typing Джо_реальный: оставьте его в покое, он и так страдает

— Но погодите, — Кайл вдруг посерьёзней, — там же вроде НСАА какие-то данные обновляло. Давайте глянем, чё они пишут про нашу жопу.

Он открыл сайт НСАА. На главной странице висело официальное заявление. Кайл прочитал вслух, и по мере чтения его голос менялся — от иронии через удивление к чему-то, похожему на настоящий страх:

— «Обнаружен неопознанный объект на орбите... Предварительные расчёты показывают, что объект войдёт в атмосферу Земли через 13 дней... Зона падения — пустыня Гоби, Китай... Объект не представляет угрозы для населения...»

Кайл замолчал. Он перечитал последний абзац. Потом ещё раз.

— Чё? — выдохнул он. — Он реально падает?

Чат сошёл с ума окончательно. Сообщения летели быстрее, чем Кайл мог читать:

Хх_Слэйер_xX: ЖОПА ЛЕТИТ НА ЗЕМЛЮ ГолдЛовер: ЭТО КОНЕЦ Джо_реальный: НАДО ЕХАТЬ И СНИМАТЬ НайтОул42: КОНЕЦ СВЕТА В ПРЯМОМ ЭФИРЕ ПиццаКинг: ЗАКАЗЫВАЙТЕ ПОСЛЕДНЮЮ ПИЦЦУ фурри_либтард: Хайд провалил космическую программу, теперь мы даже не можем нормально изучить объект юзер123: поезжай в Китай Хх_Слэйер_xX: ДА, ПОЕЗЖАЙ

Кайл посмотрел на чат. Потом на свою комнату. Потом на окно, за которым светило солнце (он даже не помнил, когда в последний раз выходил на улицу днём). Солнце было яркое, наглое, вызывающее — как человек, который уверен, что его все любят. Кайл не любил солнце. Солнце было слишком позитивным.

— Вы с дуба рухнули? — спросил он у чата. — Я? Поеду? В Китай? В пустыню?

Он обвёл рукой комнату:

— Вы видите это? Это моя экосистема. Здесь есть пицца, газировка, курьеры приносят еду. Здесь есть Wi-Fi, кондиционер и ноль насекомых. Ну, почти ноль — если не считать того таракана, который живёт за холодильником и которого я назвал Джеффри. Джеффри — мой

единственный сосед, и мы уважаем границы друг друга. У меня здесь выживаемость 100 %. А там? Там жара, насекомые, китайцы, в конце концов. У меня авитаминоз, рахит и, кажется, цинга. Я умру от первого же солнечного луча. Буквально. Испарюсь, как вампир. Только вместо пепла от меня останется жирное пятно и запах «четырёх сыров».

**фурри_либтард: ТРУС ГолдЛовер: ГЕРОЙ ПОЕХАЛ БЫ
Джо_реальный: я задоначу на билет НайтОул42: вот ты скучный
ПиццаКинг: КАЙЛ СДУЛСЯ**

— Джо, у тебя ипотека, — напомнил Кайл. — Ты не можешь донатить на билеты. И вообще, с чего вы взяли, что я должен куда-то ехать? Я стример. Я сижу дома и смотрю на мир через монитор. Это моя работа. Это моё призвание. Это моя жизнь. Это, если хотите, мой крест. Тяжёлый, удобный, с подлокотниками и откидной спинкой.

**фурри_либтард: НУ И СИДИ В СВОЕЙ КАМОРКЕ, ПОКА
ЖОПА НЕ УПАЛА**

— Слышь, фурри_либтард, если ты такой крутой, сам езжай в эту жопу. Буквально. Залезь в неё. Может, тебе там понравится. Может, инопланетяне оценят твои сорок семь твитов и дадут тебе гражданство.

«фурри_либтард — первый посол Земли в инопланетной жопе». Звучит как заголовок. Красивый заголовок. А я останусь здесь, с пищей.

Он открыл Итуб на соседнем мониторе, где уже вышел новый ролик про очередной скандал с президентом Хайдом.

— Всё, народ, забыли про жопу. Смотрим, что там Хайд опять натворил. Кто там говорил про импичмент? Давайте разбираться.

**фурри_либтард: Хайд позор Америки, Тайрон Блиндч лучший
президент, которого у нас не было**

— Ага, лучший, — хмыкнул Кайл. — Особенно когда он проиграл выборы. Ладно, фурри_либтард, иди свой фурри-костюм чистить. Или стирать. Или сжигать — я не знаю, что вы с ними делаете после использования, и не хочу знать.

Чат продолжил бушевать, но Кайл уже переключился на привычную повестку. Космическая жопа подождёт. А политические драмы — никогда.

Через неделю, когда объект уже приближался к Земле, а хештег #HellAssFromSpace прочно засел в трендах всех социальных сетей мира, Кайл сидел в том же кресле и смотрел прямой эфир с места событий. Какой-то китайский стример вёл трансляцию из пустыни Гоби, собирая миллионы просмотров. Картинка была зернистой, звук — отвратительным, но это никого не волновало: мир хотел видеть, как космическая жопа приближается к Земле.

— Ну и дурак, — прокомментировал Кайл, жуя пиццу. — Жара, ветер, песок в глаза, связи нормальной нет. А я тут, в прохладе, с пищей, с вайфаем. Кто из нас умнее? Риторический вопрос. Даже фурри_либтард знает ответ.

фурри_либтард: ты умрёшь в этом кресле, а Тайрон Блиндч будет развивать космическую программу, если мы вернём его в Белый дом

— фурри_либтард, ты мой личный мотиватор, — усмехнулся Кайл. — Каждый день ты даёшь мне повод встать утром. Вернее, в час дня. Вернее, не встать, а проснуться и проверить, что ты написал. Это как утренняя газета, только вместо новостей — один и тот же бред, день за днём. Стабильность! Я это ценю. Если я когда-нибудь решу выйти из дома, то только чтобы найти тебя и одеть намордник. Ты делаешь мой день.

Чат пытался его затроллить, но Кайл был непоколебим. Он просто хотел обсудить с чатом новый указ Хайда и лечь спать. За окном уже темнело — или это были просто шторы, которые он не раздвигал так давно, что забыл, какое время суток на улице.

фурри_либтард: спокойной ночи, нацист

— О, фурри_либтард пожелал мне спокойной ночи, — улыбнулся Кайл. — Тронут. Реально тронут. Знаешь, фурри_либтард, в глубине души ты хороший человек. Просто немного потерянный. И немного... ну, фурри. Но это лечится. Наверное. Спасибо за заботу. Ладно, чат, я спать. Завтра обсудим, как там наша жопа долетает. Спокойной ночи, кроме фурри_либтард — ему я желаю проснуться в своём фурри-костюме и не найти выход. Застрять в нём навечно. Как я в этом кресле.

фурри_либтард: иди нахер

— И тебе не хворать, — усмехнулся Кайл, выключая стрим.

Экран погас. Комната погрузилась в темноту, нарушаемую только мигающим диодом роутера и слабым свечением часов на микроволновке, которые показывали неправильное время с прошлого отключения электричества. Кайл потянулся, хрустнул шеей, допил последнюю тёплую газировку и устался в потолок.

Где-то там, за потолком, за крышей, за облаками, летела к Земле штука, которую он назвал «Адской жопой». И весь мир знал это название благодаря ему — ленивому стримеру из Техаса, который не мог выйти из дома, но мог придумать слово, облетевшее планету.

— Забавно, — пробормотал он в темноту и повернулся на бок.

Через минуту он уже спал. А телефон продолжал вибрировать от уведомлений — мир не спал, мир обсуждал жопу, и Кайл Стивенсон был в самом центре этого обсуждения, даже когда храпел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.